УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ В ДОХРИСТИАНСКОЙ РУСИ

А. В. ШУВАЛОВ, Р. Р. ГИРГЕНСОН

Москва

Цель нашей работы — с помощью археологических, историко-географических, мифологических, фольклорных данных, а также транскультурологического подхода, учитывая воздействие временных и пространственных связей славян и в особенности восточных славян с другими народами, рассмотреть вопрос об употреблении алкогольных напитков (АН) в дохристианской Руси.

Существующие в литературе краткие исторические экскурсы обычно ограничиваются приведением отдельных любопытных сведений, а рассуждения и выводы некоторых авторов иногда обусловлены скорее текущими конъюнктурными соображениями, чем фактическим материалом. Так, например, Э. С. Дроздов и Е. И. Зенченко утверждают, что *«Ни в одном из древнерусских памятников письменности нет упоминаний о чрезмерном пьянстве. Более того, до X века русичам было известно только привозное... виноградное вино»* [1]. Всестороннее рассмотрение истории вопроса может помочь разработке более адекватного подхода к проблемам употребления алкоголя в наши дни. Ранее подобная попытка была предпринята нами [3] при анализе истории алкоголизма в древнем мире.

Первые сведения о привозных виноградных АН носят археологический характер, поскольку первые дошедшие до нас памятники письменности славян относятся лишь к IX в. н. э. При характеристике Черняховской культуры (II—IV вв. н. э.), которая представлена множеством поселений и могильников, расположенных в лесостепи и степи от Нижнего Подунавья на западе до левых притоков Днестра на востоке, археологи отмечают

большое количество импортной посуды, и в частности амфор, в которых с юга, из греческих северочерноморских городов, доставлялись растительное масло и вино. Создателями Черняховской культуры являются племена различного этнического происхождения: карподаки, сарматы, германцы, поздние скифы и славяне.

Сами скифы, даже земледельцы, винограда не выращивали и вина не делали, но они научились у греков употреблять вино и вскоре превзошли в этом своих учителей, так как предпочитали не разбавлять вино водой. У спартанцев в связи с этим даже существовала поговорка: когда они хотели захмелеть, то говорили: «Наливай по-скифски». Большую роль играло у скифов вино при совершении ритуальных обрядов, лишней чашей поощряли особо смелых воинов [15].

У народностей, живущих западнее славян, были свои АН, в частности, пиво и хмельные напитки из меда. Есть сведения, что иллирийцы и галлы варили и пили «ячменное вино», которое, скорее всего, являлось разновидностью пива, поскольку сами славяне изготавливали этот напиток не только из ячменя, но и из овса, ржи и пшеницы. Древние германцы варили первоначально не пиво, а напиток из проса или пшена — брагу [12].

По свидетельству Тацита [17], у германцев *«беспробудно пить день и ночь ни для кого не постыдно. Частые ссоры, неизбежные среди предающихся пьянству, редко когда ограничиваются словесной перебранкой и чаще всего завершаются смертоубийством или нанесением ран. Но по большей части на пиршествах они толкуют и о примирении враждующих между собою, о заключении браков, о выдвижении вождей, наконец, о мире и о войне, полагая, что ни в какое другое время душа не бывает столь же расположена к откровенности и никогда так не воспламеняется для помыслов о великом»*. «Их напитки — ячменный или пшеничный отвар, превращенный посредством брожения в какое-то подобие вина».

В районе Карпат обитали племена авар, пришедших из Западного Прикаспия через территорию славянских племен. В одном из византийских источников IX в. сохранилась интересная подробность о причинах разложения и гибели позднеаварского общества: это рассказы старых аварских воинов, находившихся в болгарском плену у

хана Крума. *«Обилие вина породило пьянство, и авары, ослабев физически, потеряли рассудок [18].*

Одно из первых письменных упоминаний о вине приводится с ссылкой на 907 г. в «Повести временных лет». После победоносного похода на Царьград князь Олег вернулся *«в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье» [19].* Таким образом, вино фигурирует наряду с наиболее ценными трофеями. Данный факт свидетельствует как о редкости его на Руси, так и о том повышенном внимании, которое уделялось этому АН. Из текста торгового договора «русских с греками», заключенного Олегом с Византией 2 сентября 911 г., явствует, что торговля носила преимущественно меновой характер. *«Меха, мед, воск и челядь русь меняла на паволоки (шелковые ткани), золото, вина, овощи» [20].* Возможно, привозное вино и нельзя рассматривать в ту эпоху как фактор, способствующий пьянству или вызывающий пьянство. Пьянство, однако, уже имело место, но основой ему служили в первую очередь местные продукты.

У восточнославянских племен первые АН изготавливались из меда диких пчел, чему способствовало развитие у них бортничества. По описанию арабского писателя X в. Ибн-Даста: *«страна славян — страна ровная и лесистая; в лесах они и живут. Они не имеют ни виноградников, ни пашен. Из деревьев выделяют они род кувшинов, в которых находятся у них ульи для пчел, и мед пчелиный сберегается. Это называется у них сидж, и один кувшин заключает в себе около 10 кружек его» [5].* Нет оснований не видеть в этом названии медового напитка древнерусское слово «сычевка», означавшего «вареный, питьевой мед».

По свидетельству Псевдо-Маврикия («Стратегикон»), у славян в VI—VII вв. было *«большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах (скирдах?), в особенности проса и пшеницы» [6].* Однако основной зерновой культурой, видимо, была все же рожь. Она не требовала специального ухода и специальной почвы, которые необходимы для успешного виноградарства.

В урожайные годы крестьяне получали такое количество зерна, что без особого ущерба для себя могли заготавливать «хлебное вино» и пиво [7]. На территории современной Польши рожь появляется в V—IV тыс. до н. э. Распространение ржи в лесостепной полосе (на во-

сточнославянской территории) относят к VIII в. н. э. В научной литературе издавна было принято называть рожь «славянским хлебом» [8]. Распространению «хлебного» вина и пива способствовала и сравнительная простота их получения, которая не шла ни в какое сравнение с технологией виноделия. Поэтому, хотя привозное виноградное вино и было известно в древнерусском государстве, исконно русскими АН следует считать напитки из забродившего меда и продукты пивоварения. АН из меда изготавливались следующим образом: пчелиный мед разбавляли водой, проваривали, затем в него добавляли хмель и настаивали (иногда с листьями растений), отчего происходило брожение и образовывался алкоголь [9].

Первое упоминание о хмельном напитке из меда относится к 945 г. [10]. *«Они же то слышавшие съвезоша меду много зьло /и/ възвариша»*, т. е. практически к самым первым литературным памятникам славянской письменности. В период, ограниченный рамками XI века, встречаются следующие словосочетания: «мед сытить», «мед ставить», «мед варить» — в значении «изготавливать хмельной напиток из меда путем настаивания или варки». Например: «Меду мало варено, а дружины много» [11]. «Медовухой» называли «легкое пиво», а «сбитнем» — горячий медовый напиток с пряностями.

Сдабривание АН хмелем, по всей вероятности, первыми применили славяне, от которых этот прием перешел к другим народам. По другим предположениям, первенство отдается северо-западным соседям славян — финнам, эстам, так как в карело-финском эпосе «Калевала», возникновение первых рун которого относят к эпохе родового строя, неоднократно упоминается о сдабривании пива каким-то растением. Но точно ли это был хмель — неизвестно.

При записи эпоса, происходившей в первой половине XIX в., название хмеля могло быть внесено впоследствии. Во всяком случае, в ранние времена пиво сдабривалось различными растениями: в Германии, например, листьями ясеня, багульника и др. [12].

У славян хмелю были посвящены многочисленные песни. В одной из старинных свадебных песен есть такие слова:

Без тебя, хмелюшка,
Пива не варят и вина не курят,
Холосты ребята не женюцца,
Красны девушки замуж нейдут [13].

Из разговорной речи образ хмеля проник и в «официальную», став устойчивым символом. Так, Н. М. Карамзин [4] пишет, что великий князь киевский Владимир Святославич (980—1015 гг.), заключая мир с болгарами, обитавшими на берегах Волги и Камы, утвердил клятву такими словами: *«Разве тогда нарушим договор свой, когда камень станет плавать, а хмель тонуть на воде. (Толи не будет можно нами мира, елико камень начнет плавати, а хмель почнет тонути»* — в Лаврентьевской летописи запись сделана под 985 г.) [10].

Роль хмеля в культурной жизни славян подтверждается и археологическими находками. Б. А. Рыбаков [14], проводя анализ рисунка на роге, найденном в Черной Могиле (территория г. Чернигова, находка относится к 945—959 гг.), пишет: *«изображение побегов хмеля... семантически соотносилось бы как с назначением самого турьего рога, служившего для хмельного напитка, так и со священным смыслом ритуального питья, сваренного с хмелем»*.

Судя по свадебной, новогодней и русальной (связанной с поминовением мертвых) обрядности, хмель играл в русском быту такую же важную роль, как у южных народов виноградная лоза, а у индоиранцев — священное растение «хаома» или «сома», в котором, по мнению некоторых ученых, следует видеть тот же хмель: древнерусское «хмель» равнозначно латинскому «*humulus*».

Служа средством опьянения, хмель считался у славян и средством против похмелья. На него заговаривали колдуны и знахари пьяниц, говоря: *«Господне еси хмель, буйная голова! Не вейся вниз головою, вейся посолонь... вверх сыра дерева, влеси своему господину в мед, в сия бочки и пивныя... Изошли из него раба Божия... похмелье, господин хмель!»* [12].

Относительно древнеславянской мифологии известно, что при проведении некоторых аграрных обрядов варили общее («братское») пиво, о чем свидетельствуют данные о восточнославянском воплощении плодородия Спорише, которого представляли в виде белокурого кудря-

вого человека, который ходит по полю. Первоначально наименованием «спорыш» обозначали двойное зерно или двойной колос, который в восточно- и южнославянской традициях рассматривался как близнечный символ плодородия. При отправлении архаичных аграрных обрядов из двойных колосьев-спорышей плели венки, варили пиво, откусывали такие колосья зубами [21]. Сохранились сведения о русалиях — древнеславянских праздниках, связанных с поминовением мертвых. Вераования, касающиеся отношений умерших к живым, удерживались довольно долго. Умершие в поверьях восточных славян делились на две категории: первые — умершие естественной смертью (болезнь, старость), вторые — «нечистые», умершие неестественной, насильственной или преждевременной смертью — «мертвяки». К последним относили также и умерших от пьянства («опойцы») [22]. Русалии были летним праздником и сопровождались, иногда чем-то вроде первобытных турниров. Болгарские русалии «сопровождались играми, плясками, лакомством и пьянством, особенно кулачным боем» [14]. О стойкости подобной чисто языческой распушенности, которую не могли сразу преодолеть христианские нормы поведения, свидетельствует и предупреждения Изборника XIII в. (цит. по [14]): *«Егда играют русалиа и скomorosi, ли пьянике кличь... или како собираще идольских игр — та же в тѣ час пребуди дома!»*.

О другом языческом веровании, связанном с почитанием предков, говорится следующее: *«После мытья в бане души мертвецов... приступают к заготовленной для них роскошной скоромной трапезе с мясом, сыром, ритуальным печеньем, хмельным медом и пивом»* [14].

Сохранилось и вещественное доказательство того, что АН играли заметную роль по крайней мере в некоторых праздничных обрядах. При археологических раскопках г. Изяславля бывшего Волынского княжества, сожженного татаро-монголами в 1240 г., была найдена необычная керамическая статуэтка. Толстый бородатый мужчина в княжеской сферической шапке сидит верхом на бочке, держа в руках вместительную чашу. Фигурка напоминает масленичное «погребение Бахуса» и была названа «славянским Вакхом». Возможно, что в персонаже на бочке отражены представления о каком-то дохристианском божестве с дионисийской функцией. Во всяком

случае несомненна ее связь с народной праздничной темой пиршеств [23].

Языческому богу солнца и плодородия посвящались и празднества под названием «хмелевых ночей».

Старые боги славян постепенно слились с христианскими святыми и по большей части утратили свои имена, но перенесли свойственные им функции и атрибуты на этих святых. Так, Перун, продолжал почитаться как божество грозы под именем Ильи Пророка (громовержца), а былинный персонаж богатыря Ильи Муромца считают его позднейшей трансформацией. Исследователи приходят к выводу, что АН связаны с богами, осуществляющими функции суверенности, высшего престижа, в частности — военного, громовержцев [24]. В самом древнем произведении русской литературы «Повести временных лет» приводятся ставшие популярными слова киевского князя Владимира Святославича: *«Руси есть веселье питье, не можемъ бес того быти»* [19]. Некоторые авторы считали, что Владимир под «не можемъ бес того быти» имел в виду не пьянство, а «веселье» [25]. Но более внимательный анализ текста говорит о другом. В 986 г. князь Владимир, выбирая наиболее подходящую для своего народа религию, выслушивал представителей различных религий. Когда очередь дошла до болгар магометанской веры, *«Владимеръ же слушаше ихъ, б бо самъ любя жены и блуженье многое, послушаше сладко. Но се ему б нелюбю, обрѣзание удовъ и о неяденьи мясъ свиныхъ, а о питьи отнудъ, рѣка: «Руси есть веселье питье, не можемъ бес того быти»* [25]. В переводе фраза звучит более явственно: «Владимир же слушал их, так как и сам любил жен и всякий блуд; поэтому и слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбю: обрезание, воздержание от свиного мяса и от питья; и сказал он: «Руси есть веселие пить, не можем без того быти». В «Истории» В. Н. Татищева это место звучит еще более определенно: *«а о непитии вина и слышать не хотел, глаголя, яко в сих странах весьма сие неудобно»* [16].

Сохранившиеся литературные свидетельства чаще всего связывают массивную алкоголизацию с культовыми обрядами (тризнами, русалиями) и с традиционными княжескими угощениями (пирами).

Тризна представляла часть погребального обряда у восточных славян периода язычества. Первоначально

она состояла из устраиваемых в честь покойного военных игр, состязаний, песен и плясок, а также поминального пиршества. С. М. Соловьев подчеркивает, что с поминками соединялся «веселый, пьяный пир» и приводит свидетельство византийского историка VII в. Феофиakta Симокатты; последний описывает поражение одного славянского князя, жившего «на севере от Дуная», который был застигнут врасплох противником, так как «праздновал поминки по брате своем, был пьян и народ его забавлялся песнями» [26].

Проведение тризны в честь умершего предписывалось древней традицией: *«А еще умряше, творяху тризну над ним»*. С этой целью, например, княгиня Ольга (945 г.) отправляется к месту убийства и захоронения своего мужа князя Игоря, оплакивает его, затем велит насыпать над ним большой курган и «творить тризну», для которой специально приготовили мед. В этом историческом сюжете, как его излагает С. М. Соловьев, хорошо видна роль АН: *«Тогда Ольга послала сказать древлянам: «Я уже на дороге к вам, наварите побольше медов в городе, где убили мужа моего, я поплачу над его могилой и отпраздную тризну»* [26]. *«Древляне же послушались, свезли много меду и заварили... Древляне сели пить, а Ольга велела отрокам своим служить им... Когда древляне опьянели, то Ольга велела отрокам своим пить за их здоровье, а сама отошла прочь и приказала дружине сесть древлян»*.

Подробное описание тризны у восточных славян приводит арабский путешественник и писатель первой половины X в. Ахмед ибн Фадлан, совершивший в 921—922 гг. поездку в Волжско-Камскую Болгарию: *«...для бедного человека из их числа делают маленький корабль, кладут его (мертвого) в него и сжигают его (корабль), а для богатого (поступают так): собирают его деньги и делят на три трети: (одна) треть (остается) для его семьи, (одну) треть (употребляют на то), чтобы для него на нее скроить одежды, и (одну) треть, чтобы приготовить на нее набид, который они будут пить в день, когда его девушка убьет сама себя и будет сожжена вместе со своим господином; а они, всецело предаваясь набиду, пьют его ночью и днем, (так что) иногда один из них (кто-либо из них) умирает, держа чашу в своей руке»* [27]. Комментатор не идентифицирует упомянутый «набид» с ви-

ном, но ясно, что речь идет о каком-то АН. Следовательно, можно составить достаточно подробное представление о подготовке к кремации и самому процессу тризны. На ладье (Ибн-Фадлан называет ее «кораблем») строили сруб, где стояла скамья, покрытая дорогими тканями — ложе, на котором размещался покойник, одетый в дорожные одежды. Вместе с ним клали фрукты, крепкий напиток (мед, цветы, оружие). Среди других предметов, необходимых покойникам, по мнению древних славян, для будущего существования можно назвать глиняные и деревянные сосуды, предназначенные для пищи и питья, а также деревянные ведерки — для хмельного меда и пива. Рядом с последними археологи иногда находили деревянные ковши с серебряной оковкой [28].

В этих общественных поминках покойника обращает на себя внимание любопытный факт соединения похоронных мотивов, плачей, причитаний и других выражений скорби со взрывами веселья, обжорства, пьянства и распутства [29].

Видное место в жизни славян занимали еженедельные, а иногда и многодневные княжеские пиры. Отмечается и степень опьянения на этих пирах — «упоенные крепким медом» [4].

Что касается фольклора, то он как и мифология при всей своей метафоричности может быть достаточно надежным историческим источником [2]. По мнению С. Н. Азбелева [30], устный эпос очень редко сохраняет точность фактических деталей, но у него есть другое важное преимущество: эпос может хранить веками без радикальных изменений ту обобщенную оценку сущности события, какая сложилась в сознании широкой общественной среды. Именно последнее и является определяющим для нашего исследования.

Следующий эпизод в образной форме показывает нам отношение древних славян к употреблению АН и к опьяняющему действию последнего. По требованию Ильи Муромца плененный «Одихмантьев сын» должен был продемонстрировать перед княжеским двором «соловьиный свист». Но Соловей-Разбойник жалуется на свое болезненное состояние. И в качестве стимулирующего, целебного средства просит:

«Ай вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мне да зелена вина».

Илья Муромец передает эту просьбу князю Владимиру, который

«...скоренько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу — да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми» [31].

Любопытно отметить следующую деталь: Соловей-Разбойник просит «чару», а ему наливают по-русски — «не малу стопу — полтора ведра». Здесь можно поставить вопрос о различной переносимости АН русскими и лицами монголоидного происхождения. Таким образом, первые иллюстрации, подтверждающие выявленную ныне генетическую детерминированность метаболизма алкоголя, мы можем найти уже в древнерусских былинах, кстати, интересную параллель описанной выше художественной метафоре можно найти и среди материалов археологических исследований. Ко времени первых столкновений с печенегами (X в.) относится черниговский боярский курган «Гульбище», в котором был захоронен с большим почетом какой-то знатный богатырь. Среди вещей обнаружили «деревянное ведро для меда с железными обручами», которое достигало в диаметре 40 см (при норме в 25—30 см) [14].

Характерный отзыв о языческом периоде Древней Руси содержится в проповеди митрополита киевского и «всея Руси» Кирилла II (XIII в.), которая легла в основу его «Правил». Кирилл II призвал «блюсти себя» от пьянства и, в частности, писал: *«Известно нам также, что многие люди держатся древних языческих обыкновений, сходятся в святые праздники на какие-то бесовские игрища, криком и свистом сывают подобных себе пьяниц и бьются дреколем до самой смерти, снимая с убитых одежду»* [4]. Видимо, пьянство было достаточно устойчиво связано с языческими обрядами.

Осуждающий тон официальной литературы был обусловлен ее мировоззрением, которое в этот период уже носило христианский характер. Фольклор же был и еще долгое время сохранял языческий характер (до XII—XIII вв.). И если обратиться к произведениям народного творчества, то легко заметить, что народ, в отличие от авторов дидактической литературы, придавал пьянству явно геройское значение, измеряя даже удаль и доблесть

своих любимых героев количеством выпитого ими хмельного или способностью перепить других. И радость, и горе традиционно дополнялись употреблением АН.

Обратимся к ранним русским былинам, которые дают богатый материал по вопросам не только психологии употребления и злоупотребления АН, но и распространения пьянства. Рассмотрим цикл былин о Добрыне Никитиче, ряд из которых является более древним по своему происхождению, чем былины об Илье Муромце.

Вот какие причины находит мать Добрыни Никитича, заметившая, что ее сын «запечалился»:

— Что с честна пиру пришел да ты не весело?
То местечко было в пиру не по чину?
Али чарою в пиру тебя приобнесли?
Аль кто пьяница дурак да приобгалился?

А вот какие высказывает она характерные пожелания:

А и живи-тко ты, Добрыня, во своем дому,
Во своем дому, Добрыня, своей матушки,
Ешь ты хлеба-соли досыти,
Пей зелена вина ты допьяна... [32].

Во многих русских былинах, в которых преобладает древний языческий элемент, можно встретить следующие описания сцен, где князь угощает богатыря:

Наливали ему чару зелена вина,
Наливали то вторую пива пьяного,
Наливали ему третью меду сладкого,
Слили эти чары в едино место, —
Стала мерой эта чара полтора ведра,
Стала весом эта чара полтора пуда.
А и принимал Добрыня единой рукой,
Выпивает-то Добрыня на единый дух [32].

Встречаются характерные дополнения-рефрены:

Буде пьешь до дна, так выдаешь добра,
А не пьешь до дна, не выдаешь добра [32].

Можно предположить, что приведенные былинные метафоры являются не только чистыми гиперболами, вспомним уже упомянутое деревянное ведро для меда из кургана «Гульбище». Пирь зачастую кончались пьяным сном даже у тех персонажей, которые вызывают явную симпатию автора:

От хмелины с утра да просыпаться,
На Пучай-реку Добрыня собираться... [32].

Женщине не считалось позором при случае не отста-
вать от богатыря, хотя доза АН безусловно уменьшается:

Берет-то Настасья чарочку одной ручкой,
Выпивала она да на единой здох [32].

Когда же было необходимо подчеркнуть заурядность
личности и ее слабосильность, то пользовались тем же
проверенным критерием:

Ростом он умеренный, в плечах не широк был,
Лицо у него постное, пиво пьет он по стаканчику,
А вино-то пьет он всего по рюмочке,
А закусывает да по калачику [33].

Характерен и такой «упрек»:

А сами не могли и по полуведру пить [31].

Любопытны сведения, подтверждающие отношение к
АН как к лечебному средству. Так, исцеление былинного
Ильи Муромца, тридцать шесть лет пролежавшего на пе-
чи с параличом, происходит не чем иным, как пивом:

Они попили-то тут да пива сладкого,
И немного они чаши оставляли тут,
Оставляли они чаши, подают ему:

Ты возьми у нас испей, да ты Илья же свет...
Каково ты во себе слышишь здоровьице?
Я ведь слышу по себе — да теперь здоров совсем,
Теперь здоров-то совсем все здоровешенек [33; 12].

Таким образом, данные исторических, археологиче-
ских и фольклорных источников говорят о том, что, неся
с собой общендоевропейский багаж культуры и нахо-
дясь на перекрестках интенсивных культурных взаимоот-
ношений, древнерусские племена были знакомы с изго-
товлением и употреблением АН. Наряду с этим свиде-
тельства фольклорных и церковных источников говорят
о распространенности злоупотребления АН в дохристиан-
ское время, что опровергает утверждения некоторых ав-
торов [1] об отсутствии пьянства в Древней Руси и под-
черкивает всю сложность проблемы преодоления злоупот-
ребления АН в наше время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дроздов Э. С., Зенченко Е. Н. Алкоголизм: 100 вопросов и ответов//2-е изд. М.: Советская Россия, 1988. — 160 с.
2. Praves R.//The Greek Myths». — NY: George Braziller Inc., 1957. — V. 1—2. — 3.370, 412.
3. Шувалов А. В. Материалы к истории алкоголизма в древнем мире//Научные труды. Т. 66. Клиника, патогенез и терапия хронического алкоголизма. — Рязань, 1979. — С. 65—66.
4. Карамзин Н. М. История Государства Российского//Полн. собр. соч. — Т. 1. Пг.: Копейка, 1915. — 132 с.
5. Державин Н. С. Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. — М.: Изд. АН СССР, 1946. — 215 с.
6. Третьяков П. Н. Славяне//Советская Историческая Энциклопедия. — М., 1969. — Т. 12. — С. 969—972.
7. Герсегонов Н. О пьянстве в России//Отечественные записки. — 1842. — Т. XXV. — С. 13—26.
8. Яжджевский К. О значении возделывания ржи в культурах железного века в бассейнах Одра и Вислы//Древности славян и Руси. — М.: Наука, 1988. — С. 98—99.
9. Липинская В. А. Пища и утварь//Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. — М.: Наука, 1987. — С. 292—312.
10. Лаврентьевская Летопись и Суздальская Летопись по академическому списку//Полное собр. русских летописей. — М.: Изд. восточной литературы, 1962. — Т. 1. — 577 с.
11. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов//Под ред. А. Н. Насонова. — М.—Л.: Изд. АН СССР, 1950. — 642 с.
12. Золотницкий Н. Ф. Хмель пиво//Литературное и популярно-научное приложение к журналу «Нива» за 1914 г. — СПб. — Т. 1. — С. 462—487.
13. Собрание народных песен П. В. Киреевского. — Л.: Наука, 1977. — Т. 1. — 326 с.
14. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. — М.: Наука, 1987. — 782 с.
15. Геродот. История в девяти книгах. — Л.: Наука, 1972. — 600 с.
16. Татищев В. Н. История Российская. — М.—Л.: Изд. АН СССР, 1963. — Т. II. — 352 с.
17. Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии//Сочинения в двух томах. — Л.: Наука, 1969. — Т. I. — С. 353—373.
18. Эрдели И. Авары//Исчезнувшие народы/Под ред. П. Н. Пучкова. М.: Наука, 1988. — С. 99—110.
19. Повесть временных лет//Изборник. (Сборник произведений литературы Древней Руси). — М.: Худож. лит-ра, 1969. — С. 28—90.
20. Ключевский В. О. Курс русской истории//Сочинения в 8 т. — М.: Госполитиздат, 1936. — Т. 1. — 427 с.
21. Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. — М.: Сов. энциклопедия, 1982. — Т. II. — 719 с.
22. Токарев С. А. Религия в истории народов мира/Изд. 2-е. М., 1965. — 623 с.
23. Даркевич В. П. Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве IX—XVI вв. — М.: Наука, 1988. — 324 с.
24. Топоров В. Н. Опыняющий напиток//Мифы народов мира. Эн-

циклопедия в двух томах. — М.: Сов. энциклопедия. 1982. — Т. II. — С. 256—258.

25. *Прыжов И. Г.* История кабаков в России. — Казань: Молодые силы, 1914. — 282 с.

26. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. — М.: Изд. соц.-эконом. лит-ры, 1959. — Кн. I. — 811 с.

27. Путешествия Ибн-Фадлана на Волгу. — М.—Л.: Изд. АН СССР, 1939. — 212 с.

28. *Боровский Я. Е.* Мифологический мир древних киевлян. — Киев: Наукова Думка, 1982. — 104 с.

29. *Соколов Ю. М.* Русский фольклор. — М.: Изд. Наркомпроса РСФСР, 1941. — 558 с.

30. *Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. — Л.: Наука, 1982. — 326 с.

31. Былины. — М.: Детская лит-ра, 1969. — 304 с.

32. Добрыня Никитич и Алеша Попович. — М., Наука, 1974. — 447 с.

33. Былины. — Ярославль: Верхне-Волжское книжное изд-во, 1970. — 176 с.

THE USE OF ALCOHOL IN PRE-CHRISTIAN RUSSIA

A. SHUVALOV, R. GIRGENSON

Moscow

Summary

The aim of this paper is to elucidate the controversial problem of use of alcohol in pre-Christian Russia through a multidisciplinary approach. Early Christian sources in their vehement polemics against paganism disclose pre-Christian alcohol habits in Russia. The evidences of chronicles which describe the introduction of Christianity also accentuate the eminent role of use of alcohol in Russian society. Likewise in the Russian legends the facts of the excessive use of alcohol were imprinted suggesting the existence of problem drinking and alcohol dependence (alcoholism) in pre-Christian Russia. Archeological, mythological, trans-cultural analysis and evidences of contemporary foreign travellers support these data that contradict the opinion of some modern authors which suggest the absence of heavy drinking in ancient Russia thus simplifying the alcohol problem in Russia in its historical aspect.

Канд. мед. наук Роберт Гиргенсон

115561, Москва,

Ясенева 10/2, кв. 55